

ВЫЗОВЫ СИТУАЦИИ ПОСТМОДЕРНА И ИХ ПРЕОДОЛЕНИЕ

На примере проекта Виктора Сидоренко «Метанойя»

ДАРЬЯ ЗИБОРОВА

доцент кафедры теории культуры и философии науки ХНУ им. В. Н. Каразина, кандидат философских наук

Отдавая себе отчет в том, что постмодерн — явление столь же широкое, сложное, неоднозначное, как и его определения, автор предлагает в данном случае не столько обсуждать различные определения и описания ситуации постмодерна, сколько сосредоточиться лишь на некоторых аспектах этого явления, которые определяют его лицо в искусстве, и внутри которых можно обнаружить выход за пределы любых толкований постмодернистской ситуации. Однако некоторые признаки постмодерна, как культурной ситуации, не вызывающие сомнений у любых его толкователей, следует обозначить для того, чтобы найти те точки, в которых зарождается новое высказывание в искусстве. Поскольку именно основные признаки постмодерна являются также его главными «болевыми точками», сигнализирующими о том, что данная ситуация — это ситуация кризиса, перехода, а не обретенного ответа.

В предлагаемой статье речь пойдет о том, что не укладывается в общие рамки ситуации постмодерна, хоть и появляется именно в ней; а значит, мы можем рассчитывать на то, что имеем дело с неким преодолением этой ситуации, с выходом за ее пределы. Среди таких, выходящих за пределы постмодерна явлений, в качестве основного исследуемого материала будет рассмотрен проект Виктора Сидоренко «Метанойя».

1. Постмодерн как пост-эсхатология. Прежде всего, ситуацию постмодерна можно описать как пост-эсхатологическую. Начав с заявления о смерти Бога (Ницше), современная философия поочередно декларирует смерть автора (Р. Барт), смерть субъекта (М. Фуко), конец проекта интерпретации, конец доверия к смыс-

лу вообще, и в качестве апофеоза — конец истории, науки, религии. Постмодерн декларирует эти «смерти» и «концы» как пределы наших возможностей — способности к адекватной интерпретации, смыслополаганию, осознанию и конструированию. Все это множество пережитых эсхатонных вызовов вызывает такое ощущение, как будто Апокалипсис уже произошел, и мы живем в пост-апокалиптической ситуации.

Единственная истина объявлена невозможной, как и единственно верная ее интерпретация, и потому происходит бесконечное умножение смыслов, которые так и не становятся в действительности значимыми Смыслами, и сама эта неограниченная возможность извлечения смыслов из текста нивелирует активность интерпретатора как таковую. Нагромождение иллюзорных значений — симулякров — уходит в бесконечность; они не имеют ни отправителя, ни адресата. Произведение искусства обречено на гибель в расчленяющей волне интерпретаций, его сообщение бесконечно уязвимо. И, поскольку в свете заявления о смерти субъекта и автора адресат произведения искусства неясен, а отправитель (автор) тоже давно объявлен мертвым, вся коммуникация (или попытка коммуникации) проистекает в пост-апокалиптическом пространстве и времени. Данная ситуация лишает чувства реальности как таковой: все окружено сомнением, все поставлено под вопрос.

2. Иллюзорная свобода: невесомость. Главным проектом постмодерна можно назвать проект деконструкции Жака Деррида. Попытка освободиться от больших культурных идеологий и навязанных ими ценностей приводит к ситуа-

ции иллюзорной свободы. Казалось, что проект деконструкции, освобождая нас от власти метанарративов культуры, дает новые горизонты возможностей. К тому же еще одним «освобождающим» фактором принято считать постмодернистскую иронию, — поскольку она обеспечивает ситуацию дистанции от того, что может непосредственно касаться, ранить, травмировать. Ирония, как дистанция от того, что может произойти с субъектом, кажется гарантированной защитой. То есть на первый, наивный взгляд постмодерн предлагает ощущение свободы и защиты. Но на самом деле культурная ситуация самими теоретиками постмодерна (Ж. Бодрийар, Ж. Ф. Лиотар) была описана как ситуации симуляции, отсутствия смысла, утраты оснований, в целом — как кризис безосновательности. Как утрата доверия к любым основаниям, которые обеспечивали процесс смыслополагания, а значит, давали возможность построить некоторое мировоззрение, найти определенную «точку» взгляда на происходящее.

Одной из лучших метафор этого состояния является фильм «Гравитация» Альфонсо Куарона. Освободившись от стесняющих сил земного притяжения, выйдя в открытый космос, и, казалось бы, получив наконец долгожданную абсолютную свободу, человек переживает ситуацию головокружения, ужаса, отчаяния от отсутствия базиса, опоры, системы координат — все это деконструировано. Человек оказывается зависшим в невесомости, где невозможно движение. Героиня фильма судорожно ищет малейшую точку опоры, от которой она может оттолкнуться, чтобы начать движение, хватаясь за обломки корабля и различные предметы, которые могут послужить такой временной «почвой» для толчка. Художественная серия Виктора Сидоренко «Левитация» 2010 года демонстрирует апофеоз этого кризиса свободы как отсутствия опоры, свободы-ни-для-чего. В данной серии происходит передача образов этой неподлинной свободы, поскольку на самом деле она ограничивает человека, сковывает его действия. Пер-

сонаж картин зависает в неопределенном пустом пространстве, где нет возможностей для его дальнейшего определения. Это может быть этапом освобождения от старых оснований, но не может быть пространством нахождения новых смыслов.

3. Кризис интерпретации. Лингвистический поворот XX в. привел к утверждению, что основная процедура, которую мы применяем к миру — это процедура интерпретации. Поэтому герменевтика была объявлена метанаукой, претендующей на универсальность метода. Первоначально интерпретация применялась к тексту. Но благодаря усилиям структуралистов вся культура — будь то архитектура, живопись, ритуал и т. д. — была понята как набор текстов. А значит, к любому объекту культуры может быть применена интерпретация. Впоследствии стало понятно, что и к природе можно применить интерпретацию. И в науке также главной процедурой является интерпретация феноменов природы. Таким образом, интерпретация становится главным методом, метаметодом, и вопрос о ее возможностях ставится как один из главных в любой науке. И очень быстро оказывается, что интерпретация — безгранична. Ничто в тексте ей не сопротивляется. Мы можем извлечь столько смыслов, сколько мы сумеем, поскольку в самом тексте нет никакого механизма, который ограничивает нашу интерпретацию.

Это привело к крушению проекта интерпретации как таковой. Потому что интерпретации — это извлечение смысла, каковое предполагает, что смысл в тексте все же содержится. А если из текста можно извлечь любой смысл, то, значит, и конкретного смысла там нет, и интерпретация вообще невозможна. Тогда что же мы извлекаем из текста? Мы скорее вчитываем, вносим свой смысл в процессе понимания. Интерпретация становится не извлечением, а помещением своего смысла в текст, в произведение искусства, которое, по сути, пусто, не наполнено никакой конкретной субстанцией смыслополагания. И, таким образом, сам ин-

терпретатор оказался «человеком в невесомости». Отсутствие конкретных смыслов воспринимается уже не как освобождение от современных структур сознания, но как кризисная ситуация, или ситуация тупика.

Это состояние просматривается в серии Виктора Сидоренко «Погружение» (2012), где его персонажи погружаются во что-то; их позы свободны, они ничем не скованы, но при этом они не достигают подлинной глубины, зависают в некоторой неопределенности. Возникает соблазн заняться проектированием смыслов, самостоятельным построением структур, оснований, как персонаж серии «Проекция» (2012), который ищет выход, опираясь на себя, на свои проективные способности, на собственные возможности разметки структуры в пространстве. Это свидетельствует о кризисе оснований, — и о том, что человек не может долго оставаться в состоянии безосновательности. Но, с другой стороны, переход к извлечению этих оснований из своего «Я» тоже является тупиком — как мы увидим дальше и в разворачивании художественных серий Виктора Сидоренко, и в осмыслении данной ситуации философами и теоретиками культуры.

4. Вторжение реальности. В ситуации постмодерна на первый план выходят визуальные метафоры, поскольку созерцание, видение обеспечиваются дистанцией, что вполне соответствует приему постмодернистской иронии — суть которой заложена в дистанцировании от того, что тревожит или ранит. Применение иронии — это уход в некоторую безопасность путем нивелировки того, что может стать затрагивающим меня событием. Но в конце XX и в начале XXI вв. в искусстве появляется волна перформансов, инсталляций, которые работают не столько в визуальном плане, сколько в плане тактильном; в плане чувствительности — поскольку апеллируют к непосредственной захваченности зрителя действием, неким событием, которое его касается, травмирует, оставляет след. Здесь можно вспомнить перформансы Ма-

рины Абрамович, в особенности ее проект «Художник присутствует»; Альберто Гарутти с его апелляциями к измененному чувству пространства, посредством вторжения в него некой реальности — от осмысления присутствия произведения искусства в проекте «Little museion» (2001) до его попыток предложить зрителю такую связь с реально происходящими процессами, которую он не смог бы не заметить, нивелировать (проекты «Рожденный сегодня» (2011), «Thunderstorms» (2009)); работы Аниша Капура «My Red Homeland» (2003), «Shooting Into The Corner» (2009). Эти феномены преодолевают кризис в искусстве, вызванный головокружением от невесомости — через снятие дистанции, возвращение реального, которое не пассивно, а вторгается в нашу проективную деятельность и опрокидывает все проекты.

С другой стороны, постмодернистская ирония как дистанция была преодолена ситуациями катастроф, не позволяющими отнестись к происходящему иронично. В этой ситуации человек теряет спасительную для него дистанцию, оказывается вовлеченным в событие безальтернативно, без возможности наблюдать его со стороны, переживает потрясение, травму, рану и не может нивелировать эту реальность, как это делает постмодернистский персонаж — уходя в цитаты, аллюзии, коннотации. Некоторые теоретики считают ключевым событием для перехода от постмодерна к чему-то новому дату 11-го сентября: тогда катастрофа в Нью-Йорке заново поставила вопрос о реальности, о нашем ее понимании, а также о тех защитных механизмах, с помощью которых современная культура научилась защищать индивидуума от столкновения с реальным. (Достаточно вспомнить в этом ключе работу С. Жижека «Добро пожаловать в пустыню Реальности»). Эта трагедия вызвала целый ряд реакций в искусстве, литературе, где тема иронии была уже более невозможна. Вместо нее появилось непосредственное переживание трагедии как того, что затрагивает и ранит. То есть для восприятия события включаются не столько когнитив-

ные (осознание, понимание, осмысление), сколько тактильные метафоры (чувства, уязвимость, восприимчивость, открытость, рана).

В литературе и искусстве на смену постмодернистской чувствительности к хаосу и плюральности бытия приходит новая образность, происходит открытие новой чувствительности, сосредоточенной на том, что *касается* человека, а не на том, что он понимает или осознает. Это вторжение реальности через травму не позволяет больше считать реальность иллюзорной: она обретает плотность, свое несомненное бытие. В работах Виктора Сидоренко мы видим эти процессы в серии «Отражение в неизвестном» (2012), где персонаж переживает вторжение некой реальности, которую ему не удастся интерпретировать исходя из своих привычных схем. Но и признать эту реальность иллюзорной он тоже больше не может, как не может отнестись к ней с иронией — то есть дистанцироваться. Начинается процесс сознания себя персонажем, через внимание к связи с этой вторгающейся, неизвестной реальностью.

5. Возрождение субъекта. Таким образом, мы видим возрождение персонажа в искусстве, возрождение темы субъекта — как того, кто осознает свою субъективность в ответ на присутствие реальности. И это является одним из признаков преодоления постмодерна как недоверия к реальности, сомнения в ней. В ряду таких признаков — возвращение некоторых концептов, смерть которых была объявлена ранее. Вместе с темой реальности возвращается тема субъекта. Но возрождение этой темы происходит на совершенно новых основаниях. Модерный субъект определялся через субъектно-объектную оппозицию к миру, и его цель — распространение своих проектов на реальность, владение, подчинение, преобразование. Лозунги проекта Просвещения: «взять от природы все», «человек — хозяин природы», «разум — абсолютная сила» и др. приводят к требованию того, что все должно быть структурировано согласно логике, рацио, носителем которых объявлен субъект. Тео-

ретики постмодерна, в свою очередь, деконструируют понятие субъекта, отказываются от него как от пустого конструкта (М. Фуко, Ж. Делез). И, наконец, современная интерпретация возвращает тему субъекта, как отвечающего на вторжение внешней по отношению к нему реальности; субъекта, откликающегося на рану. В качестве примера подобных теоретических построений можно привести философию Другого Э. Левинаса, где «Я» обнаруживает себя через принятие инаковости реальности Другого; философию события А. Бадью, где субъективность переосмысливается как то, что возникает в ответ на принятое всерьез событие, приходящее извне, из-за границ понятного и привычного, из-за границ освоенной и структурированной системы понятий; респонзивную феноменологию Бернхарда Вальденфельса, («Мотив чужого»), где любое восприятие реальности оказывается ответом на призыв, на вызов этой реальности. Во всех этих концепциях вызов реальности оказывается первичным; он предшествует самосознанию субъекта, является его необходимым условием. Таким образом, этот новый тип субъекта может быть назван **субъектом отвечающим**. Отвечающим на первичный вызов реальности, направленный к нему. Это новое понимание позволяет Э. Левинасу и А. Бадью утверждать, что этика, как обнаружение себя в *отношении* с реальностью, первична, а онтология и гносеология, как полагание этой реальности в когнитивном пространстве — вторичны.

Этот антропологический тип «респонзивного субъекта» или *субъекта отвечающего* мы наблюдаем в сериях В. Сидоренко «Сдача Крови» и «Страж перемен» (2013). Персонаж картин застигнут неким событием, и он решается на жертву перед лицом реальности. Он переживает свою открытость, уязвимость, и это позволяет ему открыть подлинное измерение собственного бытия, обрести свое лицо, осознать себя как «Я», в качестве субъекта нового типа.

6. Метафизическая реальность. Как можно описать эту реальность, если старые схемы ра-

боты с этим понятием поставлены под вопрос и нивелированы постмодерном? Это возможно сделать феноменологически, через описание ее проявлений, а не через вопрошание о ее сущности. Она заявляет о себе вторжением в наши проекты извне, из-за границ освоенного нами, понятного нам пространства. Эта активно действующая реальность уже не может быть осмысленна как то, что должно быть освоенным, покоренным; как пространство приложения наших сил. Она появляется как нечто иное по отношению к понятному и освоенному; как непознанное, ускользающее от интерпретаций. И этой своей непредсказуемостью и своим масштабом она заявляет о себе как о реальности метафизической, трансцендентной в прямом смысле этого слова — как превосходящее то, что находится в границах нашего понимания. Все старые, известные нам методы интерпретации оказываются несостоятельными, поскольку эта реальность находится за границами наших способностей понимать и интерпретировать. Об этом феномене свидетельствует серия Виктора Сидоренко «Перемотка памяти» (2014) — где персонаж пытается соотноситься с событием реальности через попытку включить ее в старые схемы интерпретации, но обнаруживает ее несводимость к известным ему способам понимания. Эта реальность оставляет нам возможность принять свою уязвимость — как единственный релевантный способ восприятия; она обещает наличие некоего смысла, но смысла, не поддающегося имеющимся методам интерпретации. Она взывает к новому языку, новому словарю уязвимости. Этот процесс мы можем наблюдать в образах серии «Проекция уязвимости» (2015), где реальность познается персонажем через рану, через осознанную уязвимость, открытость к проявлениям этой реальности, которая заставляет отступать на задний план все собственные проекты персонажа, делает их неважными, несостоятельными по отношению к своему присутствию. Персонаж работ этой серии открывает смысл не как логическое сообщение, которое

нужно понимать, а как касание, которое нужно принять, в которое нужно вчувствоваться. Как ситуацию, которая требует в большей степени переживания, нежели понимания. И для этого принятия уязвимости нужна метаноя, как поворот разума, поворот сознания от себя самого, поворот от привычного, понятного, освоенного — к новому, и еще пока не имеющему имени. Осознанная уязвимость персонажа Виктора Сидоренко, которую мы наблюдаем в проекте «Метаноя», постепенно разворачивается от самостоятельного проектирования смыслов до восприятия нового языка реальности, как языка за пределами значения, интерпретаций. Происходит поворот от того, что нужно осознать — к тому, что нужно пережить, чтобы открыть собственное «Я», стать подлинно существующим в диалоге с реальностью.

Выводы. Таким образом, эстетика и сообщение работ Виктора Сидоренко начиная с 2000-х и, в особенности, представленных в проекте «Метаноя», могут быть рассмотрены в качестве примера тех процессов в культуре, которые выходят за рамки постмодернистской эстетики. Причем сам выход за пределы постмодерна происходит в тех его смысловых точках, которые являются, одновременно, его уязвимыми местами — теми пунктами, где сам постмодерн осознает собственную кризисность, несостоятельность, недостаточность. Следуя тезису Алена Бадью о том, что культура не может построить новое только лишь на отрицании старого (а постмодерн мыслит себя именно как последовательность таких отрицаний и отказов), мы предлагаем рассматривать «прорастание» новых явлений в культуре. Сосредотачивая внимание на том, что вызвано не столько напряженным внутренним поиском художника, сколько его способностью откликаться на вызовы реальности, мы получаем возможность открыть эти новые культурные явления в тех феноменах, которые позволяют осмыслить диалог с реальностью, а скорее, следуя предложенной терминологии — вчувствоваться в него.

1. Бадью А. (Воз)вращение самой философии [Текст] / А. Бадью // Манифест философии : пер. с фр. — СПб. : Machina, 2003. — С. 143–168.
2. Бадью А. Манифест философии [Текст] / А. Бадью // Манифест философии : пер. с фр. — СПб. : Machina, 2003. — С. 9–72.
3. Бадью А. Этика : Очерк о сознании Зла [Текст] / А. Бадью ; пер. с франц. В. Е. Лапицкого. — СПб. : Machina, 2006. — 126 с.
4. Вальденфельс Б. Ответ чужому: основные черты респонзивной феноменологии [Текст] / Б. Вальденфельс // Вальденфельс Б. Мотив чужого. — Мн. : Пропілеї, 1999. — С. 123–141.
5. Гройс Б. Да, апокалипсис, да, сейчас [Текст] / Борис Гройс // Вопросы философии. — 1993. — № 3. — С. 28–36.
6. Деррида Ж. Насилие и метафизика : Очерк мысли Эммануэля Левинаса [Текст] / Ж. Деррида // Деррида Ж. Письмо и различие. — М. : Академический Проект, 2000. — С. 124–249.
7. Жижек С. Добро пожаловать в пустыню Реального [Текст] / С. Жижек. — М. : Фонд «Прагматика культуры», 2002. — 160 с.
8. Левинас Э. От существования к существующему [Текст] // Левинас Э. Избранное. — М. ; СПб. : Университетская книга, 2000. — С. 7–65.
9. Левинас Э. Тотальность и Бесконечное [Текст] / Эммануэль Левинас // Левинас Э. Избранное. — М. — СПб. : Университетская книга, 2000. — С. 66–291.
10. Филоненко А. «Производство присутствия» и новая культурная чувствительность: «нескромное предложение» Ханса Ульриха Гумбрехта и его академические расширения [Текст] / А. Филоненко // Койнония : Вестник ХНУ им. В. Н. Каразина. — Х., 2010. — № 904. — С. 12–23.

Зиборова Д. А. Вызовы ситуации постмодерна и их преодоление: на примере проекта Виктора Сидоренко «Метанойя»

Аннотация. Данная статья посвящена анализу основных признаков ситуации постмодерна в культуре в контексте его преодоления. В качестве основного иллюстративного материала избрано творчество Виктора Сидоренко, в частности — его проект «Метанойя» (2015). Показано, что основные признаки постмодерна являются также точками его уязвимости, то есть свидетельствуют о нем, как о ситуации кризиса, перехода к некому новому явлению в культуре. В числе таких признаков, и одновременно точек перехода, выделены: отказ от свойственных модерну концептов истины, смысла, автора, истории; недоверие к большим культурным идеологиям; принятие бесосновательности, как возможности освободиться от прежних культурных установок; безграничная свобода интерпретации; деконструкция понятия «субъект»; постмодернистская ирония. Показано, что в конце XX — в начале XXI вв. в культуре появляются феномены, выходящие за пределы постмодерна через переосмысление его основных признаков. Художественные серии Виктора Сидоренко рассмотрены как пример таких переосмыслений в искусстве. Продемонстрировано, что возвращение в его работах персонажа идет параллельно с переоткрытием понятия субъекта в философии Э. Левинаса, А. Бадью, Б. Вальденфельса, и может быть рассмотрено как иллюстрация явлений, имеющих отношение к новому этапу в развитии культуры.

Ключевые слова: постмодерн, постмодернистская ирония, кризис бесосновательности, реальность, уязвимость, рана, субъект, переживание vs. понимание, тактильное vs. когнитивное.

Зіборова Д. А. Виклики ситуації постмодерну та їх подолання: на прикладі проекту Віктора Сидоренко «Метанойя»

Анотація. Дана стаття присвячена аналізу основних ознак ситуації постмодерну в культурі в контексті його подолання. В якості основного ілюстративного матеріалу обрано творчість Віктора Сидоренко, зокрема — його проект «Метанойя» (2015). Показано, що основні ознаки постмодерну є так само точками його вразливості, тобто свідчать про нього, як про ситуацію кризи, переходу до нового явища в культурі. У числі таких ознак, і одночасно пунктів переходу, виділені: відмова від властивих модерну концептів істини, сенсу, автора, історії; недовіра до значних культурних ідеологій; прийняття безпідставності, як можливості звільнитися від колишніх культурних настанов; безмежна свобода інтерпретації; деконструкція понят-

тя «суб'єкт»; постмодерністська іронія. Показано, що наприкінці ХХ — на початку ХХІ ст. в культурі з'являються феномени, що виходять за межі постмодерну через переосмислення його основних ознак. Художні серії Віктора Сидоренка розглянуті в якості прикладу таких переосмислень в мистецтві. Продемонстровано, що повернення в його роботах персонажа триває паралельно з перевідкриттям поняття суб'єкта у філософії Е. Левінаса, А. Бадью, Б. Вальденфельса, і може бути розглянуте як ілюстрація явищ, що мають відношення до нового етапу у розвитку культури.

Ключові слова: постмодерн, постмодерністська іронія, криза безпідставності, реальність, вразливість, рана, суб'єкт, переживання vs. розуміння, тактильне vs. когнітивне.

Daria Ziborova. Challenges of the postmodern situation and their overcoming: on the example of Viktor's Sidorenko project «Metanoia».

Summary. This article analyzes main indications of the *postmodern* situation in culture from the perspective of its overcoming. As primary illustrative matter the author uses works by Viktor Sidorenko, in particular his project «Metanoia» (2015). She shows that the main indications of the postmodern are at the same time the signs of its vulnerability, i. e. they witness about it as about a situation of a crisis, a transition to a new phenomenon in culture. Among those indications, which at the same are time the points of transition, the author highlights the refuse from concepts of truth, sense, the author and history, which characterize modernity; distrust to big cultural ideologies; the assumption of groundlessness as an opportunity to get liberated from previous cultural guidelines; deconstruction of the notion of «subject»; postmodern irony. The author shows that in the late 20th — early 21st centuries new phenomena appear in culture which overruen the *postmodern* through the reconsideration of its main indications. Artistic series of Viktor Sidorenko are considered as an example of such reconsiderations in art. The author demonstrates that the return of the character in his works happens in parallel with the rediscovery of the notion of the subject in the philosophy of Emanuel Levinas, Alain Badiou, Bernhard Waldenfels, and that it may be reconsidered as an illustration of the phenomena which relate to a new stage of the development of culture.

Keywords: postmodern, postmodern irony, crisis of groundlessness, reality, vulnerability, wound, subject, experience vs. understanding, tactile vs. cognitive.

